

Владимир

Проскурин

ВЕРНЕНСКИЙ ГРАЖДАНИН

«СТЫДНО, КОГДА НЕ РАСТЕТ ЛЕС ИЛИ НЕ ПОСЕЯН ХЛЕБ...»

Юрий Домбровский, впервые приехавший в алма-атинскую ссылку в начале 30-х годов, описал Алма-Ату «городом-садом» 20-го столетия: «...Весь город, дом за домом, квартал за кварталом, обсажен тополями. Нет такого окна в городе, высунувшись из которого ты не увидел бы прямо перед собой белый блестящий или черный морщинистый ствол. От Алма-Аты до Ташкента проходит большая дорога. Но называется она не улица, не шоссе, не дорога, а просто «Ташкентская аллея», – говорят алматинцы.

...Зелень в этом городе расположена террасами. Первый этаж – вот эти акации (восточные танцовщицы, подумал я). Над акациями фруктовые сады. Над садами тополя. А над тополями уже только горы да горные леса на них: пойдика, разберись, где ты находишься, если город один сплошной сад – сад яблоневого, сад урючный, сад вишневого, сад миндальный - цветы розовые, цветы белые, цветы кремовые.

А над садами тополя. Они и есть в городе самое главное. Без них ни рассказать об Алма-Ате, ни подумать о ней невозможно. Они присутствовали при рождении города. Еще ни улиц, ни домов не было, а они уже были...»

Южная столица Казахстана начала строиться с весны 1854 года. Первые сады и огороды взрастили здесь первопоселенцы южных губерний России и Западной Сибири. С целью правильного «зеленого строительства» были заложены питомники, откуда жители получили на первых порах бесплатные саженцы и рекомендации ученых-лесоводов, как правильно вести домашнее хозяйство, огородничество, садоводство, цветоводство.

Первый описанный в исторических хрониках фруктовый сад располагался в Большой Алматинской станице, в усадьбе М. Перемышльского, пристава Большой Орды. Он пригласил знакомого ученого – садовника М. Крештопенко, который разбил при Верненском госпитале так называемый «английский» парк. В 1855 году консул И. Захаров прислал из Кульджи в дар первые саженцы, черенки и лозу «Алматинскому общественному саду» (ныне Центральный парк культуры и отдыха). Тем временем в четырех верстах севернее станиц возникла Верненская казенная роща площадью до 150 десятин. Согласно лесному уставу роща служила для воспроизводства растущего леса (разведение плодовых и декоративных деревьев и кустарников, ягод и овощей) и рубки мертвого леса

(заготовка на топливо и хозяйственные нужды строевого леса, жердей, дров, хвороста, сучьев). В 1868 году казаками на площади в 30 десятин высажено 30 тыс. корней тала и тополя, годом позднее – еще 16 тыс. деревьев (в основном акация, боярышник, рябина, клен, карагач, дуб).

Посетивший однажды город, прогуливался здесь первый губернатор края Константин фон Кауфман. Он принес в дар городу лиственные породы саженцев и самолично заложил сиреневую аллею. Среди первых зеленостроевцев города вспомним семью Оттона Матвеевича Баума, заведующего Пензенским училищем садоводства, который безвозмездно посылал городу Верному семена и саженцы. А со временем направил в Семиречье двух своих талантливых сыновей Эдуарда и Оттона. Им город обязан не только зеленым благоустройством, но и созданию сейсмо- и метеослужбы, зоопарка, появлению сельскохозяйственных училищ и обществ. Так были устроены Казенный огород при военном госпитале, Казенный сад, ныне национальный парк культуры и отдыха, и Казенная роща, ныне носящая имя известного в прошлом лесостроителя Семиречья Эдуарда Баума.

О том, что из себя представляла баумская роща до того, как в ней началась селекционная работа братьев Баум, рассказывает любопытный документ – прошение отставного уральского есаула Бонифатия Карпова о безвозмездном приведении в порядок казенной верненской рощи. Есаул, вошедший в историю города как «Верненский гражданин», отмечает, что «наша городская роща не только составляет украшение города и его пользу, но и безобразнейшее пятно города Верного». Бонифатий отмечает, что человеку, приезжающему сюда из благоустроенного города, нельзя пройти мимо этой рощи «без особенной боли под ложечкой – так она безобразна, уродлива и дика от абсолютного заброса и непонимания» (согласимся, замечание сие и чуть ли не полтора столетия спустя остается злободневным – *В.П.*). Далее, в прошении Б.А.Карпова говорится: «Условия всякой рощи и сада в городах – их тенность, артистическая разбивка и гармония в сочетании дерев. Без загорода роща и сад в центре города составляют только тягость и крупную помеху свободной жизни жителям, вызывая у них особую меру строгости в содержании домашнего скота.

Не угодно ли будет Городской Управе позволить мне привести эту рощу в должный порядок, направить рост дерев в требуемый вид, особенно тутовые деревья, из безобразных кустарников, какими они, к позору нашему, теперь есть, сделать прямые и стройные деревья с густой тенью в палящем зное лета... В наш просвещенный век обществу стыдно, когда на пустопорожном месте не растет лес или не посеян хлеб...

За труды ничего не возьму, ни копейки: исключительно желаю быть полезным в этом отношении городу как умелый садовник и лесничий, как артист, как художник в этом деле».

Любопытно отметить, что каждое поколение алмаатинцев помнило «своего Баума» и сохраняло его имя. Так, роща Баума до революции звалась Алферовской. Были и другие ее названия, скажем, сады Перемитина или иных владельцев верненских рощ, выпестованных руками ученых и практиков – Крештопенко, Рушчица, Штольца, Фетисова, Игнатовича. Но время и поколения выбрали лишь имя Баума, причем датируют основание Казенной рощи по времени его приезда в Верный.

Прошение отставного есаула, как первое свидетельство реконструкции рощи Баума, подписано 27 марта 1889 года. Кроме того, удалось выяснить, что податель прошения «умелый садовник и артист своего дела» Бонифатий Архипович Карпов, оставил о себе память и как журналист, чьи очерки и корреспонденции появлялись на страницах газет и журналов чаще всего под псевдонимом «Верненский гражданин», и как писатель-краевед, писатель-натуралист, автор замечательных охотничьих рассказов. Его приключенческая книга «Мантык – истребитель тигров» переиздавалась в Алма-Ате и Москве в советское время.

«ВЕРНЕНСКИЙ ГРАЖДАНИН» И ЕГО ДЕТИ – ГЕКТОР И ПАРИС

Весть об образовании новой Семиреченской области облетела многие города и веси. Люди срывались с насиженных мест, устремлялись целыми семьями в благодатную страну Семи Рек, где, как уверяли, простые арбузы вызревают с колесо телеги. И тянулись по дорогам через Омск и Семипалатинск повозки с нехитрым домашним скарбом. Шли пешком порядком тульские печники, московские маляры, сибирские кузнецы, курские землекопы, воронежские плотники – словом, рабочий люд пореформенной России. Были и те, что отправились в неведомые земли *«на ловлю счастья и чинов»*, другие, с серьезными намерениями, составили канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства. В состав Верненской Думы вошли гласные, лучшие представители от всех сословий, известные предприниматели, купцы, чиновники.

В Верном, в семье дворянина Уральского казачьего войска Б.А. Карпова, воспитаны сыновья-«троянцы» Патрокл (Гектор) и Ахилл (Парис). Такие имена из греческих мифов дал возвышенно мыслящий отец своим сыновьям. О Патрокле Бонифатьевиче известно мало (ЦГВИА, ф. 409, оп.1, д. 1326). Он родился в 1865 г. в Иркутской губернии, выпускник Оренбургского юнкерского училища. В армии поручик, батарейный казначей 6-го Западно-Сибирского линейного батальона (1892 г.). Служил в Омском военном округе, в станицах Семиречья в гг. Копале и Верном, ст. Софийской. По совместительству, учитель военной гимнастики Верненской гимназии (с 1 ноября 1889).

А вот об Ахилле Бонифатьевиче (р. в 1866 г. – у. в 1911 г.) скажем подробнее (ЦГВИА, ф. 400, оп.17, д.20978). Дворянин Уральского казачьего войска, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. С 1886 г. состоял хорунжим Амурского казачьего войска, переведен есаулом в Уральское казачье войско (1896 г.). В годы «боксерского восстания» (1900 г.) служил в Заамурской пограничной страже Восточно-Китайской железной дороги. Участник Русско-Японской войны, командир сотни (с 1905 г. ротмистр). Проявил себя в науке, литературе и искусстве. Был членом Русского энтомологического общества и корреспондентом зоомузея Академии наук (1902 г.). Самобытный поэт, опубликовал «Казачьи стихотворения» и «Стихотворения» (Уральск, 1910 г.). Ахилл Карпов стал автором гимна Амурского казачьего войска «Слава вам, братья, герои-амурцы!», в котором подводит итог полувекового присутствия русских на Амуре, воздает по заслугам казачеству за вклад в освоение края. Автор работ по истории уральского и амурского казачеств, словарей казачьих говоров. Среди них «Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых

уральскими казаками» (Уральск, 1909 г.). Опубликовал «Список слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками», тем самым оставив память о казачьем житье-бытье, о жизни забайкальских и амурских казаков. Между прочим, оставил, попивая вприкуску крепкий чай, который Ахилл называл «затуранчиком (или, по-местному, туранский чай, сливан, жеребчик, затуран)», рецепт приготовления оного в походном котле. В воду всыпают крошенный кирпичный чай, кипятят, прибавляют молока или сливок, муки, поджаренной на масле, соли по вкусу и коровьего масла. Без этого чая амурский казак немислим, это его любимая пища.

А.Б. Карпов автор работ «Уральцы» (Исторический очерк. тт.1-2., – Уральск, 1911 г. Переиздано к 425-летию города Уральска тиражом в 300 экз.) и «Памятники казачьей старины» (Уральск, 1892 г.). Труды уральца основаны на архивных документах Яицкой войсковой канцелярии, частично утраченных в настоящее время. Посвящены прошлому казачьего войска с середины XVI по первую четверть XVIII вв., от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). По мнению А.Б. Карпова появление русских на реке Яике относится к первой половине XVI в., заселение осуществлялось с реки Волги через ее левые притоки рек Самары и Иргиза. Карпов полагал, что первыми яицкими казаками были русские новгородские ушкуйники, к которым позже стали примыкать выходцы из других русских земель. На Яике началось военное, экономическое и культурное взаимодействие со своими соседями.

СУД НАД СОЧИНТЕЛЕМ ОЧЕРКА «ТАРАНЧИНКА»

А в далеком городе Верном неожиданно начался судебный процесс, в ходе которого выяснились непредвиденные обстоятельства. Был вызван в суд и допрошен военным следователем поручиком П.А. Ливенцовым сочинитель скандального очерка «Таранчинка». Адвокатом П.В. Гурде [1] было доказано авторство журналиста, подписавшего его псевдонимом «К.», а так же работавшего под псевдонимом «Верненский гражданин». Им оказался отставной есаул Бонифатий Карпов. Свидетельствуют, что он с гордостью потрясал в камере рублевым экземпляром «Гражданина»: «...*Вот мое лучшее произведение*». В этом литературном приложении за апрель 1889 г. и была напечатана статья «Таранчинка» под псевдонимом «К.».

Этнографический этюд об уйгурах (которых в ту пору звали «таранчами») появился в суровые годы мусульманских восстаний. Бежавший из Китая народ принял подданство России и поселился в Семиреченской области. По Петербургскому договору от 12 февраля 1881 г. нашли себе кров и стол 4682 уйгура (таранчинца) и дунганина. Переселенцам выданы необходимые товары на сумму в 3500 руб. и по 5 руб. на каждую подводку из сумм купца В.-А. Юлдашева (15 янв.1883 г. благотворителю выражена правительством России особая благодарность). На р. Усек возникло поселение Джаркент, где на средства благотворителя была так же реставрирована мечеть, деревянная жемчужина Кульджинского края. На р. Или уйгурский бай Юлдашев первым начал навигацию. Словом, знатный купец многое сделал для жизни трудолюбивого народа Приилийской долины... В Верном, столице потревоженной области, была образована слобода из бежен-

цев. Различались они по принадлежности к религиозной общине – Сартовская, Таранчинская, Токмакско-Дунганская, Кульджинско-Дунганская, Наманганская или Кашгарская.

Основой статьи стала бытовая драма, случившаяся 11 декабря 1886 г. в семье хорунжего Б. Джалилова, крупного начальника Карамского волостного общества, освоившего долину р. Чилик. Мол, обедневший, но влюбленный земляк А.-Х. Сатиев украл у правителя кое-что из собственности, – молодую жену, лошадь и халат. Пользуясь влиятельной поддержкой вице-губернатора Семиречья Н.А. Аристов, Джалилов произвел арест и домогательства грабителя, требуя отправки Сатиева на каторгу в Сибирь.

Автор статьи Карпов обрушился на всемогущего Аристов с критикой его служебного несоответствия, раскрывая его корыстные злоупотребления при раздаче пособий и ссуд кульджинским переселенцам. Перепалка в жанре «Горе от ума» между «Верненским Олимпом громов и молний в Богов второй величины» и «случайного корреспондента» достигла предела, и Аристов подал жалобу прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты. Адвокатом назначили известного российского юриста А.Ф. Кони, который был в состоянии защитить честь и доброе имя «Верненского Олимпа». В процесс были втянуты губернаторы Степного края Г.А. Колпаковский (с 1889 г. уволился и стал членом Военного Совета в Петербурге) и военный губернатор Семиреченской области Г.И. Иванов (он же наказной атаман Семиреченского казачьего войска в 1887-99 гг.). Взаимоотношения отразились только на официальной бумаге в переписке надменного Аристов и новоявленного губернатора. Генерал Иванов поспешил тут же избавиться от скандального коллеги.

В речи адвокат А.Ф. Кони затронул коррупцию, криминальное направление управление Туркестанского края [2]. Прежде всего, семейно-клановые взаимоотношения чиновника и генерала, мэра и губернатора, гласных Думы и купечества. Лица, принимающие важные решения, были вовлечены в бизнес непосредственно сами или через близких родственников. Причем, благосклонность покупают представители власти и получают преимущества на рынке. Происходит сращивание власти и бизнеса, «свои» бизнесмены «приватизируют» государственные должности, расставляя на них «своих» людей, а чиновники получают статусную ренту – основной источник их доходов. Чиновник едет в край на службу Отечество защищать («крышевать») и решать вопросы собственного бизнеса, семьи или клана. У жены, родни и друзей каждого «новоиспеченного владыки» неожиданно «просыпается» талант бизнесмена. Мол, зарабатываю себе на старость.

К моменту процесса 9 ноября 1893 г. все обвиняемые отошли на второй план по разным причинам. Прежде всего, в связи со смертью 20 октября 1892 г «Верненского гражданина» Б.А. Карпова [3]. Другой персонаж, «величественный» уйгур Бушри Джалилов, – его фамилия трактуется в переводе «чистый от всяких недостатков», – отравился во время пиршества. Сам вице-губернатор Н.А. Аристов «...присмирел, как улитка, втянулся в свою скорлупу и подал в отставку». Путь из Верного в Петербург, длиною в 4 920 верст в течении долгих 17-20 дней, отрезвил опального. И вице-губернатор Семиречья был уволен 27 апреля 1889 г. Правда, редактор-издатель газеты, князь В.П. Мещерский был арестован и посажен на месячную гаупвахту, «за допущенную клевету и оскорбительную ложь», найденную между строками «Таранчинки»...

«УМЕЛЫЙ САДОВНИК И АРТИСТ СВОЕГО ДЕЛА»

Некоторые исследователи предполагают, что Бонифатий Архипович Карпов (р. в 1825 г. – у. 20 октября 1892 г., г. Верный) – родом из Оренбургской губернии. Его родителями были яицкий казак Архип и Мария Карповы. Рос младенцем под именами Фатя или Воня. Биографы приводят отрывок из «Оренбургских губернских ведомостей» (2 апр. 1849 г.), в связи со смертью его матери, вдовы есаула А. Карпова Марии Федотовны. По поводу иска домовладения были приглашены урядник Б.А. Карпов и его супруга Акулина Емельяновна, с падчерицей Натальей.

В юности уральский офицер встречался с известным ученым Г.С. Карелиным, считал его покровителем и переписывался с ним, мечтал сменить ратную жизнь на научно-исследовательскую. Скажем, Карпов занялся лекарственными травами, искал траву марену, которую можно было пустить в текстильные промыслы и ремесла Уральского казачьего войска. Объездил окрестности Каспийского и Аральского морей, бывал и служил на Кавказе и на Дальнем Востоке. О чем свидетельствуют первые карповские очерки и масса псевдонимов, связанных с местом жизни и деятельности есаула - «Антоновский», «Петр Марокин», «К.Г.», возможно «казак Гурьевский».

Карпов служил в годы правления графа В.А. Перовского на Сыр-Дарье, начальником форта Кос-Арал. «...Весной 1852 года я был назначен в рекогносцировочный отряд. В то же время мне поручили триангуляцию пространства между реками Кувандарьей и Сырдарьей... В первые дни мне показалось здесь скучно до тоски. Книги и журналы приходили сюда очень поздно; не было никаких служебных занятий, ни одного офицера, вообще образованного человека, с кем бы можно было поговорить, не говоря уже о женщинах. Аральское море зимою не мерзнет, форт выстроен шагах в тридцати от берега, и неумолкаемый прибой морских волн наводит страшную тоску. Единственным развлечением в нашей монотонной жизни была охота за зверями и птицами».

Об охоте вспоминает: «...в Раиме, где было полторы тысячи чинов гарнизона, всего и был только один настоящий охотник, уральский казак из калмыков, дивный Мантык, чертовски сложенный физически; человек этот был одарен такою силою воли, таким хладнокровием и присутствием духа, что вызывал невольное удивление. Из двуствольного ружья, с ножом в руке он бил тигров один без всякой помощи. Его схватки с тиграми беспримерны в летописях охоты, если не учитывать каледонскую охоту и охоту на немейского льва Геракла. Решиться идти на тигра одному и одержать тринадцать таких побед – это не безделица... Когда я приехал в форт, тигр уже лежал посредине площади. Это был один из самых больших зверей: он весил 11 пудов 22 фунта и имел в длину от хвоста до ушей 2 аршина 14 вершков. Более крупных тигров я в жизни не видал. Снятая с него шкура отослана была мною раимскому коменданту, который отправил ее в Оренбург к графу В.А. Перовскому...»

«...В 1856 году, в котором я по обстоятельствам службы навсегда оставил Сырдарью, на другом конце нашей обширной России, когда получил из Раима от одного из моих друзей письмо, где он писал мне, что один киргиз принес в укрепление небольшого живого тигренка, которого посадили в клетку; мать его убил Мантык с помощью этого киргиза, потом вскоре убил в товариществе со

многими охотниками и отца. Но, – писали мне, – последний недешево уступил свою шкуру: он изранил семь человек – самого Мантыка, одного казака, одного солдата и четырёх киргизов, солдата и казака смертельно, они умерли на четвертый день», – писал в воспоминаниях Б.А. Карпов.

Есаул Бонифатий Архипович по жребию сменил службу в фортах Сыр-Дарьи на пограничные поселения Амура и Усури. С годами в этом крае возникнет Приамурское казачье войско, в составе Забайкальцев и Амурцев. Здесь он сопровождал караваны через Сретенск, занимался охотой, литературным творчеством. Вместо среднеазиатских кабанов и фазанов займется ловлей уссурийских соболя и чернубурой лисицы, бурого медведя, амурского тигра. И непременно оставит наследие под псевдонимами «Карпыч» и «Карпов В.» (в этот период выходит большая работа «Охота на Амуре», изданная в «Ведомостях» в СПб, написанная в защиту таежных зверей).

Впрочем, в Забайкалье Б.А. Карпов жил недолго. Военная карьера вновь круто меняет географию событий. Две сотни приамурских казаков сменили местопребывание на Семипалатинскую область, где Карпов дослуживается до звания отставного и с семьей обосновывается в Верном (ныне Алматы). Есаул исполнял должность делопроизводителя первого городского головы П.М. Зенкова, одновременно и чертежника первостроителя Верного.

11 апреля 1867 г. укрепление Верное преобразовано в город и началась работа по составлению генплана, норм и правил застройки. Был сформирован Комитет по устройству так называемого «Нового города» под началом губернатора Г.А. Колпаковского. В соответствии с возложенными на Комитет обязанностями по строительству, коммунальному хозяйству, благоустройству, Комитет носил различные названия и передал свои функции городской Думе, с избранием городских архитекторов Г.Н. Серебренникова (1878-83 гг.) и П.В. Гурде (с 1883).

П.М. Зенкову и его коллегам обязан город своей архитектурой и градостроительством - прямоугольной планировкой, замечательными парками и рощами, освежающими воздух арыками и газонами. Кроме того, удалось выяснить, что «умелый садовник и артист своего дела» Бонифатий Архипович Карпов занимался воспитанием и образованием детей Зенкова. Среди многочисленной семьи отметим дочь Марию, будущую жену казачьего генерала Бакуревича. И сына Андрея Зенкова – первостроителя Верного, известного возведением деревянного православного собора. Разносторонняя полезная деятельность Б.А.Карпова во благо города отражена в его литературном псевдониме – «Верненский гражданин».

Примечания

1. Гурде Поль (Павел Васильевич) (1846-1914), француз на русской службе, широко благоустроил Верный (городской архитектор и автор герба, учитель гимназии и местный Кулибин). В частности, предприниматель коммунального освещения Верного. В год смерти Б. Карпова архитектор знакомит гостей, вновь прибывших вице-губернатора П.И. Каталя и министра путей сообщения князя М.И. Хилкова, с новостройками после землетрясения 1887 г.: *«новое здание Приюта... архиерейский дом с церковью начнется постройкой... губернаторский дом строится и уже возведен до постановки стропил».*

Юрист Гурде разрешил спорный вопрос о земле между Верным и Больше-Алматинской станицей. В 1906 г. на карте города появляется улица «имени Гурде».

2. Как и многие деятели, посетившие Верный, дипломат Ю. Шюйлер попал под обаяние личности Колпаковского, отметил его нравы, обычаи и порядки, преобразовательную деятельность: «...достаточно даже недолго пробыть в Семиречье, чтобы убедиться в глубоких различиях между администрацией этой провинции и управлением чиновников в Ташкенте» (осень 1871 г.).
3. Есаул Карпов служил на Сыр-Дарьинской линии в годы правления краем генералами В.А. Перовским и А.О. Дебу. В 1853 г. после взятия кокандского городка Ак-Мечеть стал российским фортом Перовский. В ту пору был подписан международный договор между хивинским ханом и Россией. Казак-уралец на страницах очерков тепло, живописно, со знанием дела описывает городки Раим (с 1855 г. перенесенный в урочище Казала), Ак-Мечеть, укрепление Аральское, форты Талбугут и Кос-Арал. Словом, первые поселения, упраздненные в 1867 г. с формированием Сырдарьинской и Семиреченской областей Туркестанского края.
Между прочим, Карпов ссылается на донесения командира Оренбургского корпуса Перовского, что в результате ревизии подведомственных ему территорий, он выявил факты опустошительного нашествия на киргизские аулы тигров... Съедено в 1848-49 гг. 28 жителей. Среди пострадавших значится комендант форта Кос-Арал, ставший жертвой тигра-каннибала.

Источники

- Карпов Б.А. (псевд. Верненский гражданин) Мантык – истребитель тигров. // Природа и охота, тт. X-XII, 1880 (Опубликована Д. Дубровиным в журн. «Горыныч». В сов. время издана отдельными книгами – Владыка джунглей, А.-А., 1966 г.; Мантык – истребитель тигров, М., 1967 г.).
- Карпов Б.А. «Он нашего застоя»: о жизни и книгах уральского писателя И.И. Железнова (1824-1863). // Простор, 1965, № 8, с. 89)
- Карпов Б.А. Воспоминания о Раиме. // Северная пчела, 28 марта 1857 г., 5 сент. 1857 г.
- Карпов Б.А. Письмо к редактору. // Современные известия, 1881, № 187 (по поводу искажения невероятного возмущения киргиз в 1869 г, описанных в журн. «Природа и охота» (1880 г.)
- Карпов Б.А. Повествование иностранцев о киргизском бунте 1869 г. // Оренбургский листок, 1881, № 19 (об ошибках высказанных бременской экспедицией О.Финша).
- Кони А.Ф. За последние годы: судебные речи (1888-1896). Воспоминания и сообщения. – СПб, 1896
- Проскурин В.Н. Новое из архива. // Экокурьер, 1991, 9 мая
- Проскурин В.Н. Есаулова роща. – в кн. Алма-Атинские дворики, Алматы, 2009, с. 70-73.
- Сагнаева С., Фокин Н. Журналист, которого никто не помнит... // Пульс, 3, 10 нояб., 1994 г. библиографический очерк о Бонифатии Карпове)
- Фокин Н. Шимануться тулаем по степи (Уральская летопись. О жизни и творчестве Ахилла Карпова). // Пульс, № 1, 1991 г.

